

Суд мифических персонажей у бурят XVIII – первой половины XIX века

Третейский суд, базирующийся на обычном праве, являлся основным регулятором конфликтов в традиционном обществе. В то же время в судопроизводстве допускался суд высших сил, якобы определявший виновность людей и наказывавший их за это. В правовой культуре бурят данный феномен также имел место. Целью исследования является определение значения суда мифических духов-хозяев в разрешении конфликтных ситуаций в бурятском обществе XVIII – первой половины XIX в. Определено, что в изучаемое время суд мифических духов-хозяев был призван, регулируя конфликты у бурят, стабилизировать общественный порядок. Со временем его значение нивелировалось под влиянием ряда факторов: ослабления родовых отношений, изменения границ расселения бурят, отказа от традиционной (шаманской) картины мира и др.

Ключевые слова: буряты, судопроизводство, мировоззрение, конфликт.

А.А. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

The Court of Mythical Characters Among the Buryats of the 18th – First Half of the 19th Century

The court of arbitration based on the customary law was the main regulator of conflicts in traditional society. At the same time, the court of supreme justice was allowed in the proceedings, allegedly determining the guilt of the people and punishing them for it. This phenomenon existed in the Buryat legal culture. The aim of the study is to determine the significance of the court of mythical spirits-masters in resolving conflict situations in the Buryat society in the 18th – first half of the 19th century. It has been identified that the main purpose of the court of the mythical spirits –masters was to regulate the conflicts among the Buryats and to secure the social order. Later, under the influence of such factors as weakening of tribal relations, changes in the boundaries between the Buryat habitation areas, the rejection of the traditional (shaman) outlook, and others, the significance of the court of supreme justice became lower.

Keywords: Buryats, legal proceedings, worldview, conflict.

В традиционной культуре у разных народов существовало основанное на обычном праве судопроизводство, выполнявшее роль основного регулятора конфликтов. Вместе с тем у них сложились представления о суде, который будто бы творили высшие существа, и чей вердикт признавался наряду с решением третейского суда. В правовой традиции бурят также отмечалось данное явление. Изучению аспектов этого феномена посвящены работы ряда отечественных авторов, но тема остается далеко не исчерпанной и требует дальнейшего анализа.

В настоящей статье ставится целью определение значения суда мифических духов-хозяев в разрешении конфликтных ситуаций в бурятском обществе XVIII – первой половины XIX в. Работа построена на изучении письменных источников рассматриваемого времени, в том числе архивного материала из фондов Государственного архива Республики Бурятия, собранного в ходе полевых исследований 2018 г.

Практика судебных разбирательств у бурят была такова, что не всегда в криминальных и тяжёлых делах удавалось прийти к согласию сторон или до-

казать чью-либо вину. В этих случаях третейский суд обращался к архаичной форме правосудия – к божбе на сакральном месте рода/племени, которая оставалась актуальной в обществе, где господствовало традиционное мировоззрение и были сильны родовые отношения. Интересно, что когда тяжущимися сторонами оказывались буряты-шаманисты и крещеные буряты или русские, то суд обязывал приводить к божбе обе стороны: бурят-язычников, в частности, на шаманском камне, а крещеных бурят и русских – в церкви. Это обстоятельство свидетельствует, что для третейского суда клятвы, даваемые в православной церкви и на языческом капище, были равнозначны в силу признаваемой сакральности этих мест.

Основным в бурятской божбе было принесение присяги мифическому существу, которое рассматривалось высшим судьей, неподкупным и жестоким в своем наказании. Данный акт был обязателен при решении разных конфликтов и варьировал в зависимости от места проведения.

Согласно А. Раеву, предбайкальские буряты совершали такие обряды присяги: в семейно-бытовых ссорах, «в делах маловажных» клянутся перед домашними онгонами; под следствием клятва дается перед заряженным ружьем или обнаженной саблей, по окончании целуется у ружья дуло, а у сабли – лезвие; при разбирательстве тяжбы клятва приносится на священных роцах и водных источниках; в особых случаях присягали у шаманского камня, расположенного посреди р. Ангара [1858, с. 21]. Из перечисленных выше видов присяги последние три давались по требованию третейского суда.

Конфликтующие супруги клялись перед сакральными предметами – семейными пенатами в присутствии старейшин, представлявших общину. При этом незримым судьей считался конкретный дух-покровитель человека – *онгон*, способный, как верили, лишить клятвопреступника счастья и плодородия. У бурят-буддистов такую роль исполняли будды и бодхисатвы, избранные в качестве покровителей членов семьи, и чьи изображения украшали домашний киот.

В изучаемое время у бурят в основном были распространены воровство и мошенничество. Очистительная присяга на оружии давалась на суде родоначальников обвиняемыми в этих преступлениях в присутствии других представителей рода или всего ведомства. В ее основе лежала вера в способность оружия покарать клятвопреступника. Данная традиция была производной от процедуры шертования, установленной для глав отдельных аборигенных и пришлых сообществ при принятии ими российского под-

данства; в последующем она применялась при вступлении глав инородческих ведомств и родовых старшин во власть.

Надо отметить, что в архаичной форме ритуал предполагал присягу не только на оружии, но и на крови собаки, которая была убита с помощью него. Объяснение такой практики дает Г.Ф. Миллер, утверждая, что с кровью собаки в человека входил ее дух, карающий отступника [2009, с. 168–169]. Вот как выглядело принесение шерти селенгинскими бурятами-табангутами: «Здесь они по своему желанию приняли присягу на верность подданства; присяга состояла, как передают буряты, в следующем: саблей была отсечена голова черной собаки, кровь и лезвие буряты лизали, а дуло ружья целовали, чем и выразили свою преданность» [Смолев, 1900, с. 82]. Как видим, данный ритуал представлял синтез русской и аборигенной традиций. С принятием буддизма клятва на крови животного была изжита у забайкальских бурят.

Очистительную присягу давали при тяжбе и разборе криминальных дел, причем при споре присягали и истец, и ответчик. Особенным было то, что вместо обвиняемого зачастую клялись свидетели из числа почетных членов родовой общины, к которой принадлежал он, а позднее, с потерей однородности бурятского улуса, – из односельчан. При этом отбирали одного из списка, обычно включавшего 30 человек. Между тем у забайкальских бурят запрещалось иметь таких доверенных людей по тяжбы делам и истец клялся сам [Обычное право..., 1992, с. 81].

Если ритуал проводился на сакральном месте, то присягали его мифическому духу-хозяину; при этом считалось, что за лжесвидетельство ждет суровая кара. Ушлые истцы, требуя клятвы на таком месте, добивались отказа от свидетелей участия в процессе. Роль шамана, приглашаемого на эту процедуру, заключалась в выполнении функции посредника при обращении третейского суда к высшей силе. Отметим, что значение данного суда падает уже к началу XIX в., на это указывают архивные данные. Так, в деле о верхоленских бурятах 1803 г. родовой шуленга и старшины в обращении к главному тайше настаивали на отказе от божбы подследственными, видя отсутствие у последних боязни перед судом мифических духов-хозяев (ГАРБ. Ф. 460. Оп. 1. Д. 25. Л. 130–130 об.).

По настоянию истца ответчик присягал у шаманского камня, такая клятва считалась особенно тяжелой. По Я.И. Линдену, шаманских камней в XVIII в. было известно четыре [1983, с. 138]. Более полную информацию о них приводит Г.Ф. Мил-

лер: «У брацких по эту сторону Байкала существуют особые скалы, которые они называют Ајechу-Tscholon, то есть страшными скалами. Одна из таких скал находится на берегу озера Байкал, там, где из него берет начало Ангара, по левую сторону; другая – на реке Иркут, на пути между Иркутском и Тункинском; еще одна – на восточном берегу реки Лены, между Верхоленским острогом и Тутурской. Такие скалы, говорят, есть и в верхнем течении реки Китой, и на реке Белой значительно выше Бельского острога, и на реке Убуса, впадающей в Осу» [2009, с. 170–171].

В источниках XIX в. к числу таких мест отнесены еще Берутайская бариса, Ольхонский шаманский камень, пещера Умай со священным камнем и иконой Николая Угодника (ГАРБ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 548. Л. 22). Со временем значимость некоторых из этих сакральных мест для бурят упала, что было обусловлено отселением последних с прилегающих территорий.

Я.И. Линденау первым из авторов приводит примерное содержание клятвы у шаманского камня: «Не крадывал, не едал, а быть на том греху, кто на меня напрасно клепал, а кто из нас виноват, то ты разбери» [1983, с. 138]. После принесения такой присяги в подтверждение слов полагалось коснуться каменного утеса, который, как верили, является местопребыванием мифического персонажа. Такой физический контакт с природным объектом в деталях различался у разных групп бурят. В одном случае подозреваемого, раздетого догола, обвязывали веревкой и спускали со скалы; раскачиваясь на веревке, он должен был 13 раз «обнять» скалу [Там же]. У тункинских бурят дающий клятву подходил к шаманскому камню, дотрагивался до него и возвращался с подобранным под скалой отколовшимся камешком [Миллер, 2009, с. 171]. При этом действовал запрет на хранение таких осколков в юрте, о чем повествует С.П. Крашенинников, сообщая о геодезисте А. Иванове [1966, с. 84]. На шаманском камне, располагавшемся у истока р. Ангара, такая процедура предполагала одиночную ночевку на каменном утесе, едва выступающем из воды. Как пишут, нередко это заканчивалось тем, что «испытываемого снимали с камня без чувств и привозили на берег в глубоком обмороке» [Стахеев, 1865, с. 17].

Очевидно, что во всем этом основную роль играл психологический фактор, связанный с глубоким подсознательным страхом бурят перед духами-хозяевами шаманских камней, который искусственно поддерживался в обществе. Говоря о силе таких представлений, Г.Ф. Миллер подмечает: «А настоящий злодей, который по совести

чувствует себя виновным, и вовсе не осмеливается подойти к скале, ибо ожидает от нее неминуемого возмездия» [2009, с. 171]. Убежденность в неотвратимости наказания сохранялась у бурят даже в случае, когда явно виновный человек проходил испытание шаманским камнем: «И ежели он побожится, то, хотя бы подлинно знали о его шалости, вину ему прощают. Они же сказывают, что такому человеку напрасная божба без притчи не пройдет, но или жена, или дети, или скот, или сам умрет» [Крашенинников, 1966, с. 84]. Здесь следует указать, что в представлениях бурят суд мифических духов-хозяев был выше любого земного суда не только потому, что верили в неотвратимость наказания, но – и в его справедливость. Третейский суд, опирающийся на обычное право, где, в частности, права элиты были лучше защищены, чем права рядовых бурят, априори не считался справедливым.

Таким образом, можно констатировать, что суд мифических духов-хозяев, как составная часть правовой культуры бурят XVIII – первой половины XIX в., выполнял роль одного из регуляторов конфликтов в обществе. Являясь рудиментом прошлого, он, тем не менее, был востребован, пока были крепки у бурят родовые связи, оставалась неизменной территория их расселения и транслировалась традиционная картина мира.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-50-00036).

Список литературы

- Крашенинников С.П.** В Сибири. Неопубликованные материалы. – М.; Л.: Мысль, 1966. – 241 с.
- Линденау Я.И.** Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.). Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. – Магадан: Кн. изд-во, 1983. – 176 с.
- Миллер Г.Ф.** Описание сибирских народов / изд. А.Х. Элерт, В. Хинтше. – М.: Памятники ист. мысли, 2009. – 456 с.
- Обычное право хоринских бурят.** Памятники старомонгольской письменности. – Новосибирск: ВО «Наука». Сиб. издат. фирма, 1992. – 312 с.
- Раев А.** Буряты // Вестн. Импер. Рус. геогр. об-ва. – 1858. – Ч. 24. – С. 1–40.
- Смолев Я.С.** Три табангутских рода селенгинских бурят: этнографический очерк. – М.: [Т-во тип. А.И. Мамонтова], 1900. – 58 с.
- Стахеев Д.** Очерки бурятской жизни (посвящается Ф.Н. Пахолокову) // Русское слово. – 1865. – Ноябрь. – С. 161–226.

References

Krasheninnikov S.P. V Sibiri. Neopublikovannye materialy. Moscow; Leningrad: Mysl', 1966, 241 p. (in Russ.).

Lindenau Ya.I. Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka). Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka. Magadan: Kn. izd-vo, 1983, 176 p. (in Russ.).

Miller G.F. Opisanie sibirskih narodov / eds. A.Kh. Elert, V. Khinteshe. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009, 456 p. (in Russ.).

Obychnoe pravo khorinskikh buryat. Pamyatniki staromongol'skoj pis'mennosti. Novosibirsk: VO "Nauka". Sib. izdat. firma, 1992, 312 p. (in Buryat., in Russ.).

Raev A. Buryaty. *Vestnik Imp. Rus. Geogr. Ob-va.* 1858, pt. 24, pp. 1–40 (in Russ.).

Smolev Ya.S. Tri tabangutskikh roda selenginskikh buryat: etnograficheskij ocherk. Moscow: [T-vo tip. A.I. Mamontova], 1900, 58 p. (in Russ.).

Stakheev D. Ocherki buryatskoj zhizni (posvyashchaetsya F.N. Pakholkovu). *Russkoe slovo*, 1865, noyabr', pp. 161–226 (in Russ.).